

Интервью с Евдокией Павловной РОМАНОВОЙ

«КОГДА МНЕ БЫЛО СЕМЬ ИЛИ ШЕСТЬ ЛЕТ, МОЙ ПАПА ПОСАДИЛ МЕНЯ НА СТОЛ И СКАЗАЛ: “ПООБЕЩАЙ МНЕ, ЧТО ТЫ СТАНЕШЬ СОЦИОЛОГОМ”»

Романова Е. П. — окончила социологический факультет Самарского государственного университета (2013 г., июнь); учится в магистратуре Университета в Эль Пасо, Техас (2014 г., январь). Основные области научного интереса: стигма, гендер, сексуальное и репродуктивное здоровье, социальная теория. Интервью состоялось: сентябрь-ноябрь 2014 г.

Всего несколько месяцев назад, летом 2014 года, я обсуждал направления развития данного историко-социологического проекта с заместителем редактора «Социологического журнала» Ларисой Козловой. В частности, она спросила меня, не собираюсь ли я спуститься еще на одну ступеньку ниже по «лестницы поколений» советских/российских социологов и, не прерывая серию интервью с нашими коллегами из первых шести поколений, начать беседы с представителями седьмой профессионально-возрастной когорты; теми, кто родился в интервале 1983-1994 гг. Хотя и с оговоркой «...никогда не говори никогда...», но я ответил, что пока даже «мягко» не планирую таких бесед. Объяснял я свою позицию тем что рановато, время не пришло. Даже старшим из этого поколения — лишь 30 лет с небольшим, среди них есть кандидаты наук или обладатели степени Ph.D от известных зарубежных университетов, но хотелось бы приступить к изучению представителей этой общности, лишь когда они приблизятся к 40-летию¹.

Что же произошло, что заставило меня не просто пересмотреть планы и задуматься о проведении интервью с самыми молодыми нашими коллегами, но сразу начать такие беседы. Прежде всего, анализ уже значительного числа завершенных интервью с социологами шестого поколения (1971-1982 гг. рождения) выявил ряд трендов в становлении этого сообщества и представляется же сейчас оценить последствия этих трендов. тве это были интервью с социологами пятого-шестого поколения, которые обозначили множество новых содержательных, методологических и инструментальных проблем.

---

¹ Докторов Б. Предисловие к «Биографические интервью с коллегами-социологами». 4-е издание. <http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2014/intro.pdf>

В частности, оказалось желательным обращение к социологом седьмого поколения. Появился и третий фактор, обусловивший «открытие сезона» бесед с этой новой общностью: организационный. Процесс интервьюирования продолжается уже десять лет, и хотя собранный материал отражен в более, чем сотне статей, блогов, «бумажных» и электронных изданий, необходимо сосредоточиться на его анализе и подготовке обобщающего типа публикаций. Поэтому я решил завершить сбор информации к середине 2015 года, а это значит, что нельзя откладывать начало бесед с входящим в социологию новым поколением.

В моем проекте первой из седьмой когорты в силу серия объективных и субъективных обстоятельств стала Дуня (Евдокия Павловна) Романова. С определенными пояснениями ее можно считать членом трехпоколенной социологической семьи. Ее отец — недавно скончавшийся социолог, профессор Павел Васильевич Романов. После его развода в воспитании Дуни участвовали, кроме ее матери Татьяны, сам Павел, а также его вторая жена Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова, профессор социологии и дочь профессора социологии Валентины Николаевны Ярской-Смирновой. В таком плотном социологическом поле Дуня, скорее всего, должна была двигаться в сторону социологии. Вот один из ключевых моментов нашего интервью: «Когда мне было семь (а может даже и шесть) лет, мой дорогой папа посадил меня на стол в нашей квартире... и сказал: “Пообещай мне, что ты станешь социологом”. Само собой я согласилась, всегда было сложно возражать папе, да и он всегда хотел для меня самого лучшего».

Поскольку я живу в Америке, я часто называю мои интервью с российскими социологами, проводимые по электронной почте, «беседами через Океан», но в данном случае это не так. Дуня, окончившая Самарский государственный университет и проучившаяся год в одном из университетов штата Миссури, сейчас учится в социологической магистратуре университета штата Техас в Эль Пасо, одном из самых больших двуязычных (английский и испанский) городов страны, расположенном вблизи границы с Мексикой. Она отмечает: «Университет — достаточно большой, около 28000 студентов. Архитектура выполнена в стиле пирамид Мая, и когда идешь по кампусу, то складывается ощущение, что ты учишься в Латинской Америке, так как повсюду испанская речь».

Дуня родилась в 1990 году и успела многое. Можно допустить, что значительная часть ее ровесников лишь определяется в своей профессиональной деятельности, она же уже обладает значительным исследовательским и преподавательским опытом в сфере социологии, а также практическим опытом работы в акционистских проектах, которые она называет «социальной работой». Важно и то, что Дуня не только знает российскую и американскую области своей профессиональной деятельности, но и, по ее мнению, глубоко вовлечена в мексиканскую культуру.

У Дуни много возможностей роста в сфере исследований и обучения социальных работников, у нее множество планов, еще не известно в какой стране (или каких странах) она будет жить и работать. Ничего подобного не могло случиться с социологами первых четырех поколений, мало вероятно — в сообществе следующей когорты, возможно — для социологов шестого поколения — и будет совсем не редким в поколении Евдокии Павловны Романовой.

**Романова Е. П. : «Когда мне было семь или шесть лет,
мой папа посадил меня на стол и сказал:
“пообещай мне, что ты станешь социологом”»**

Дуня, у вас такое чудесное, редкое, литературное имя (конечно, мне известно, что Ваше полное имя Евдокия), Вы не знаете, почему родители дали Вам такое имя?

Честно говоря, не знаю. Вернее знаю, но проблема в том, что я получала совсем разные ответы по поводу моего имени от мамы и от папы.

Начну с маминого варианта. Мама всегда рассказывала, что нашла это имя в календаре имен. Она рассказывала, как этот календарь висел на стене нашей квартиры, когда она была беременна, и ей очень понравилось имя Евдокия, вот она и решила его выбрать.

Папин вариант совсем отличный. Он рассказывал о прабабушке Евдокии, и что меня называли в ее честь. К сожалению, я очень мало что знаю или помню о ней, помимо того, что мое имя мне досталось от нее.

Мама не соглашается с папой, папа не соглашался с мамой. Я склонна верить, что оба эти варианта являются правдой, и оба имеют место на существование.

Вообще мне очень нравится мое имя, хотя ребенком я его стеснялась. В детском садике и начальных классах школы меня всегда дразнили и у меня могли бы развиваться жуткие комплексы по поводу одной из самых важных вещей в жизни любого человека, его имени. Но, к большому счастью, вскоре я поняла, что это не минус, а скорее плюс. Редкое имя помогает выделяться, а в современном обществе индивидуалистов это большой выигрыш и помогает другим легче запоминать тебя.

Уже много позже, когда я стала ездить на разные международные встречи по работе и завела много международных друзей, оказалось, что «Дуня» означает мир на арабском языке. Это еще один плюс моего имени, который сразу сближает меня с людьми другой культуры и помогает преодолевать границы.

Я успел провести интервью с Вашим отцом, Павлом Васильевичем Романовым поэтому немного знаю Вашу генеалогию с этой стороны, а что Вам известно о материнской линии?

Очень стыдно осознавать, что у меня достаточно ограниченные знания об истории моей семьи. Поскольку я росла отдельно от папы и от бабушки, то в моем детстве были лишь редкие встречи с папиной мамой. Когда я подросла, то эти встречи стали еще реже, но минимум раз в месяц я старалась навещать свою бабушку.

В девичестве ее фамилия была Лебедева. Бабушкин папа погиб во время войны и захоронен под Киевом в братской могиле. Совсем недавно она показывала мне фотографии себя и своей мамы. По рассказам бабушки, раньше они всегда старались навещать это место, но потом стало уже сложнее. С дедушкой они познакомились в заводском общежитии на танцах. Стали гулять вместе, потом она поступила в институт, а он нет. Поэтому на один год им пришлось

расстаться, так как дедушка уехал на работу по распределению. Но на следующий год, с бабушкиной помощью, дедушка смог поступить в университет, а уже много позже стал одним из начальников завода Металлург. Знакомство с дедушкой я не помню, но есть фотография, где он держит меня у себя на руках, когда мне еще и не было годика. Теперь эта фотография висит у меня на стене в моей комнате в Самаре, как и фотография молодой бабушки. Сейчас, прочитав папино интервью, я знаю побольше об истории семьи по этой линии.

Намного больше я знаю о семье по маминой линии. Моя бабушка по материнской линии имеет украинское происхождение, она родилась в небольшом поселке под Донецком и была старшей из девяти детей в семье. По бабушкиным рассказам, она часто выполняла роль няни для своих братьев и сестер (часть которых была оставлена с ее отцом в Украине, а часть переехала с прабабушкой Мотей в Россию), что закалило ее характер и сделало очень сильным и строгим человеком. В 16 лет бабушка Лена переехала в Россию (в то время это еще была одна страна, Советский Союз), и поступила в техникум, где удачно выучилась на библиотекаря. По распределению была отправлена работать в Куйбышев на завод Прогресс, где и познакомилась с моим дедушкой Витей, инженером на том же заводе.

Бабушка и дедушка в целом были счастливы и очень меня баловали и любили. Мы с мамой жили с ними, когда я была маленькой. Мама тогда пропала на работе, иногда ей приходилось работать по выходным. На автоответчике ее офисного телефона была записана реклама голосом мамы, описывающая товары и услуги компании (они занимались продажей труб), дедушка часто набирал рабочей телефон мамы, чтобы я могла послушать ее голос и скучать чуть меньше.

В семье по маминой линии двое детей — мама и ее брат дядя Сережа, человек огромных размеров. В детстве я всегда боялась дядю Сережу и пряталась в шкаф, когда он приходил в гости. А один раз он решил взять меня в парк на прогулку... как мне потом рассказывали я плакала целый день и была безумно напугана.

Я была самой маленькой из своих двоюродных братьев и сестер, меня много баловали, покупали мне каждый день мороженое и шоколад, а мои кузены и кузины любили играть со мной и называли меня глупенькой и маленькой. С моим братом Виталиком мы любили устраивать охоту на мою кошку Глашу. Как правило, это происходило по праздникам, когда вся семья была в сборе. Мы прятались под столом и кидали в нее разные предметы, выслеживая несчастное животное, не давая ей покоя. Глаша — это очень заслуженная кошка, она была мамой пять раз и произвела на свет 28 котят. Все они были розданы нашим друзьям и знакомым.

Прекрасно, Дуня, есть начало... я и сам немного не в «своей тарелке», Вы — первая из седьмого поколения российских социологов, с кем я беседую... а поскольку с 1994 года я живу в Америке, то у меня нет опыта контакта с вашей когортой. Вы — мой проводник в мир сегодняшних 20-и летних. Сразу прошу прощения за вопросы, которые Вам покажутся наивными...

Вспомним о Вашей школе. Вы учились в обычной или какой-нибудь специальной, теперь в России существует множество форм школьного обучения.

Какие предметы Вам в первую очередь нравились?

Я окончила школу с углубленным изучением английского языка. Можно было взять второй язык на выбор, для меня это стал французский. К сожалению, уже несколько лет спустя, когда я стала частью мексиканской культуры, все мое знание французского испарилось, и его заменил испанский язык. Сейчас есть планы возобновлять изучение французского, так как у меня появилось много франкоязычных друзей, и несколько коллег, которые занимаются развитием социального театра во франкоязычной части Канады.

Воспоминания о школе у меня, к сожалению, остались не самые яркие. Это была строгая система, в которой нужно было расти и развиваться в рамках этой системы по соответствующим критериям.

Много лучше у меня получается вспоминать первые классы, в которых у меня был очень хороший учитель, первый учитель, очень мягкий и добрый человек. Было несколько хороших друзей. На данный момент у меня осталась только одна хорошая подруга, мы вместе с ней занимались волонтерством в молодежном театре Лайт.

И еще мне интересно знать, что Вы, Ваши друзья читали в старших классах.

Почти всю ту классику, которую нам давали в старших классах, мне пришлось перечитывать, когда я уже подросла и выпустилась со школы. Видимо, в школе я была еще не готова понимать столь сложные темы, которые раскрываются Достоевским, Толстым, Чеховым. Пожалуй, любимым писателем в то время был Набоков, а еще мне всегда нравилась, да и до сих пор нравится, научная фантастика. К сожалению, сейчас редко удается читать художественные произведения, так как нужно осваивать горы академической литературы по университетским предметам, а когда появляется время, то по личным научным интересам.

Вы понимаете, меня интересует, повлияла ли каким-либо образом школа на выбор Вами профессии или основной детерминантой была семья? Когда Вы решили стать социологом?

Пожалуй, я не считала себя социологом вплоть до последней недели, когда я прочитала книгу, мы проходим ее на занятиях, Liberation Sociology (но об этом чуть позже). Всегда больше ассоциировала себя с социальной работой. Мне казалось, что, учитывая прикладной и мультидисциплинарный характер моей деятельности, социальная работа больше подходит мне как самоопределение. К тому же, часто доводилось сотрудничать с социальными работниками, как в России, так и в других странах. Многие из них по настоящему уникальные люди, посвящают себя другим, зачастую за очень маленькую зарплату и слабую ответную реакцию от людей, с которыми они работают.

Но вернусь к социологии. Когда мне было семь (а может даже и шесть) лет, мой дорогой папа посадил меня на стол в нашей квартире «Огонек» и сказал: «Пообещай мне, что ты станешь социологом». Само собой я согласилась, всегда было сложно возражать папе, да и он всегда хотел для меня самого лучшего. Именно от него я научилась огромной силе воли, умению ставить перед собой цели и идти до конца. Спасибо ему за это огромное.

Уже лет с восьми я начала ездить на летние школы и конференции, организованные папой и его спутником жизни – Леной. Зачастую мне было непонятно то, что происходило на данных событиях, хотя само собой они сильно повлияли на мое мировосприятие. В то время социологи казались мне красиво одетыми и умно говорящими людьми, которые много шутят и всегда очень вежливые в общении со всеми.

Сейчас в памяти всплывает воспоминание, как мой папа навещал меня в Самаре (мне тогда было лет десять, может чуть меньше) и взял меня с собой на какое-то собрание профессоров в Самарском государственном университете. На стене висел портрет Карла Маркса. Конечно же тогда я слабо представляла, кто такой Карл Маркс и о каких теориях он писал, но во время чаепития, последовавшего после долгих социологических переговоров, меня спросили, знаю ли я кого-либо из известных социологов. Соединив в голове портрет Маркса на стене и социологические обсуждения в кабинете, я тут же ответила: «Карл Маркс!». Мой ответ вызвал волну одобрения и даже высказывания типа: «Вот он сидит, будущий социолог». Кто бы знал, что я абсолютно случайно попала прямо в точку. Добавлю, что сейчас я очень уважаю Маркса, на занятиях в предыдущем семестре мы очень много его читали и обсуждали. К тому же он воодушевил на деятельность моих любимых ученых-деятелей: Пауло Фрейре и Агусто Боалья.

Пауло Фрейре, бразильский педагог, философ и общественный деятель, основывал свою философию на марксизме, в работе фермерским с населением в сельских областях. Он был основоположником новых образовательных методик, которые можно использовать для работы с угнетенными группами населения. Боаль, воодушевленный идеями Фрейре, писал о необходимости использовать театр как практику сопротивления властям. Согласно Боалю любое театральное представление носит политический характер. Но театр, как и любой политический режим, и сам находится в постоянном преобразовании, и может влиять на изменение консервативных устоев. Так, театр который мы привыкли видеть, в большинстве случаев, это театр буржуазии, но проблемы и переживания буржуазии, уже никому не интересны, а что интересно, так это проблемы угнетенных групп населения, с которыми нужно работать, которых нужно выводить на сцену и показывать их жизнь и их переживания. В целом – это очень марксистский подход к театральному искусству.

В школе у нас был предмет Обществознание, очень отдаленно напоминающий социологию. Хотя мне и нравилось обществознание, но информация, которую нам сообщали, не была для меня каким-то открытием. Да и в школе мне зачастую было скучно и не интересно, ходила туда только потому, что меня заставляли. Сейчас вспоминаю это как период подросткового кризиса.

Изначально, мне не хотелось поступать на социологию, думала поступать на туристоведение, хотелось путешествовать. Но потом почему-то передумала. То, что я хотела оставаться в Самаре, было для меня очевидно, там мама и друзья. Я была слишком привязана к этому городу и своей жизни там. В конце концов, решила последовать совету папы и поступать на социологический факультет, параллельно подала документы на английскую филологию, куда так же удалось поступить на бюджетное отделение, но учиться там я не стала, остановила выбор на социологии.

Папа был очень рад, а я была очень довольна, что он рад; наверное, с тех пор его радость моим успехам, как и его переживания, мудрые советы и профессиональные наставления стали для меня важной и необходимой частью жизни.

В университете было интересно, хотя я и не сразу полюбила учебу и занятия. Скорее всего, мое сердце открылось социологии курсе на втором, когда я решила сделать свое мини-исследование, посвященное татуировкам. Второй курс стал в чем-то переходным, так как я начала искать себя и находила себя во многих вещах. Так я стала волонтером в клубе Союз Миров при Самарской организации инвалидов колясочников «Десница», оказывающей поддержку детям с инвалидностью. Чуть позже появилась другая организация, Молодежный театр Лайт, где я стала волонтером-актером и тренером в сфере профилактики ВИЧ-инфекции. В театр Лайт меня привел мой хороший друг Сережа, теперь он такой же иммигрант как и я, живет в Швеции. Поначалу я думала, что это просто коллектив любителей театра, не подозревая, что цели этой организации намного глубже и интереснее. Постепенно я стала разбираться в темах, обсуждаемых в театре Лайт, участвовала в образовательных программах для молодежи. Почти все тренинги мы проводили по методике «равный равному», что означало небольшую разницу в возрасте с теми, кого мы обучали. По сути, мы просто делились важной информацией, которую необходимо знать любому молодому человеку, но о которой часто забывают рассказать родители или не разрешают говорить в школах. Став социальным активистом, я стала меньше уважать театр, так как думала, что это несерьезный подход... но со временем, я поняла всю глубину передачи необходимой информации посредством театра, влюбилась в это направление и хочу им заниматься по жизни.

Как ни странно, многочисленные занятия стали положительно сказываться на моей учебе, я начала лучше концентрироваться, увлекаться тем, что нам рассказывали профессора в университете. И вот, когда большинство моих однокурсников начали жалеть, что поступили на социологию, я нашла свое маленькое счастье в любви к этой науке.

Дуня, я не понял, Вы учились на двух факультетах? И оба закончили?

Наверное вы неправильно меня поняли, я училась на социологическом факультете (который и закончила). Но когда было время поступать и выбрать специальность, я также поступила на филологический в педагогическом университете (ныне САМГУПС).

Пять лет я проучилась в Самарском государственном университете, при этом окончила бакалавриат и специалитет. Всего вышло шесть лет учебы, так как я по гранту училась год в Миссури, США.

Поясните пожалуйста, что такое «социальная работа»? Именно для Вас это организационная работа или Вы анализируете ее, исследуете?

Я поясню. Я не теоретик-социолог, не считаю себя таковым. Мне интересно заниматься социальными проектами, вовлекать в них исследуемую группу и позже делать анализ влияния и значимости, возможно, выводить новые технологии для работы с населением.

Сейчас на Западе это достаточно популярная тема в социологии, которая называется партисипаторные акционистские исследования (PAR). В России такие исследования называются социальной работой.

Здесь, Дуня, надо чуть потоньше, все же и в России используются термины партисипаторные исследования и партисипаторные акционистские исследования; Ваш папа и Лена Ярская работали именно в этой нише. Соцработой, похоже, в России называют помощь нуждающимся (более или менее профессиональную), различные социальные и социально-психологические услуги, профессию и образовательную специальность, и вовсе не все, а меньшинство соцработников занимаются исследованиями, и практически никто из них не занимается PAR.

Я не согласна с тем, что в России широко используются эти термины. Лишь один профессор моего университета слышал этот термин (А. С. Готлиб), а то, что папа и Лена занимались данными практиками, скорее исключение, из правил, нежели общепринятая норма. И, кстати, мы с ними много об этом говорили. Кроме их публикаций, пожалуй практически нет других академических источников на русском языке о практиках PAR.

Так же не согласна с тем, что мало кто из социальных работников занимаются социологическими исследованиями. На данном этапе, это становится все более и более популярно, многие мои коллеги проводят социологические исследования (являясь при этом социальными работниками). К тому же, тут я позиционирую свою точку зрения и хотела бы ее оставить.

Да, замечу, в России почти не существует текстов переведенных с английского языка по данной тематике, возможно именно по этому, данные типы исследований не пользуются популярностью. Хотя они носят весьма неоднозначный характер, многие оспаривают научность данного типа исследований в социологии. В США, так же как и в России, существует разделение между учеными на «качественников» и «количественников», постоянные споры в научных кругах о том, какой тип исследования наиболее необходим. Парадигма акционистских исследований (зачастую они и партисипаторные) скорее относится к качественным методам, но несет в себе еще более радикально новые действия социолога, а именно нацеленность на социальные изменения после проекта-исследования.

Пожалуй, это я и называю социальной работой, так как социальная работа нацелена на общественные изменения. Хотя, конечно, Вы правы, в современной России социальной работой в первую очередь считается помощь людям, а вот таких проектов, вовлекающих обычных людей в качестве исследователей проблем своих сообществ, пока немного. Но они есть.

Дуня, я думаю, что все станет яснее, если Вы опишете, пусть схематично, один из опытов Вашей деятельности, можно законченный кейс, можно то, что Вы предполагаете сделать...

Да, конечно, могу описать примерно, какое исследование я хочу провести в рамках своей магистерской диссертации.

В сотрудничестве с сообществом людей, живущих с ВИЧ инфекцией в Эль Пасо (Техас, США), мы хотим разработать сценарий и представить его зрителю в качестве театральной постановки. Моя роль тут будет следующей: сбор интервью для постановки, написание сценария, режиссура, разработка социологи-

ческих инструментов для правильного мониторинга и оценки, и проведение либо фокус групп, либо небольшого анкетирования со зрителем, которые будут посетителями на представлениях. Все этапы исследования будут проводиться в сотрудничестве с ЛЖВ (люди живущие с ВИЧ) сообществом, они будут корректировать сценарий, выступать в постановке (кто захочет), помогать оценивать полученные результаты.

Такой тип исследований называется акционистский партисипаторный, а если коротко и по-английски, то будет PAR (participatory action research). Что мне более всего интересно, и чем я хочу заниматься, это внедрять механизмы социального театра как инструмента для продвижения прав общественности, а возможно и как терапевтический эффект для людей, принимающих участие в деятельности социального театра. Я надеюсь, что проведение научного исследования, поможет показать возможности данного метода и внедрить его в социальную работу.

Кроме того, как практик, я провожу мастер-классы по социальному театру. Этим летом мне довелось провести свой первый международный мастер-класс в Братиславе, с социальными работниками, которые создают социальный театр для людей с психологическими расстройствами. Пришлось адаптироваться под ситуацию, так как обычная аудитория моих тренингов – это подростки или молодые люди. Но вместе со словацкими социальными работниками мы смогли адаптировать многие упражнения под их деятельность.

Недавно я начала вести блог-сайт <http://www.social-theater.org/> по разным типам социального театра, где стараюсь как-то теоретически описать это понятие, привести разные примеры. Так как на Западе достаточно много разных типов и разновидностей, но в России, к сожалению, нет такого разнообразия и почти отсутствует доступ к данной информации на русском языке. Поэтому решила вести этот ресурс на русском языке, чтобы было доступно русскоязычному населению (что включает в себя не только Россию). Мне кажется, что организация, на которую я работала, была одним из немногих ресурсов в сфере социального театра. Но теперь наша организация закрыта, так что нужно искать другие каналы, по которым я смогу внедрять данные технологии.

Пожалуй, для меня, моя практическая деятельность – это больше, чем просто работа, учеба, это то, чем я живу и дышу, от чего получаю вдохновение и чувствую себя самым счастливым человеком.

Дуня, Вы знаете, что раньше, до перестройки в СССР/России не было социологического образования, тем более трудно было представить, чтобы после завершения университета люди ездили в другие страны для продолжения своего образования. Вашим ровесникам, не только будущим социологам, такая возможность открывается. В каком Университете Вы учитесь? Какой у вас major? Как организован учебный процесс?

Да, я понимаю, что раньше были совсем другие времена. Мне очень повезло родиться в последние месяцы СССР, когда открылись границы, появилась возможность путешествовать, получать гранты, ездить на конференции и на тренинги.

Сейчас я учусь в магистратуре университета штата Техас в Эль Пасо (коротко UTEP), на специальности социология. Там же я и работаю ассистентом профессора (teaching assistant); насколько я знаю, у нас в Самаре не было такой должности, тут ее дают как финансовую поддержку некоторым магистрантам и докторантам. Именно благодаря своей работе я получаю финансовую поддержку для обучения.

Мне сложно сравнить учебный процесс магистратуры с Россией, но в целом в UTEP нас держат в тисках постоянного напряжения. Занятия проходят по вечерам, с шести до девяти вечера. Как правило, к каждому занятию (т.е. еженедельно!) нужно читать порядка 200–300 страниц научного текста и писать эссе (минимальный объем около двух-трех страниц). Все занятия проходят по типу семинара, обсуждения, где мы, под руководством нашего профессора обсуждаем прочитанный текст, спорим, делимся опытом, ищем прикладной характер описываемых теорий, критикуем авторов.

Что мне больше всего нравится в этой системе, это то, что мы сами можем выбирать, какие предметы мы хотим изучать. Допустим, в этом семестре я выбрала «Глобальные неравенства в сфере здоровья» (Global health disparities) с профессором, которая теперь является моим научным руководителем, но могла выбрать и любой другой предмет. Мы можем выбирать дисциплины с других кафедр и специальностей. К примеру, в следующем семестре я хочу взять класс по режиссуре, это поможет мне с моим финальным проектом – выпускной работой. Однако есть обязательные набор дисциплин, которые мы должны освоить, чтобы получить магистерскую степень: социальная теория, качественные методы, количественные методы, профессиональное развитие в социологии, статистика.

Учеба занимает намного больше времени, чем раньше. Для подготовки к каждому занятию у меня уходит около 15–20 часов в неделю. Поскольку я не носитель языка, то допускаю ошибки, особенно у меня их много с употреблением артиклей (a, the), это считается наиболее часто встречаемой ошибкой среди иностранцев, даже если у них очень хороший уровень английского языка. Для проверки каждой работы я хожу в специальный отдел в библиотеке, который помогает мне в работе над текстами: они читают мои эссе и правят их, помогают в углубленном изучении грамматики. Но живя в Эль Пасо, я могу сказать, что ошибаюсь намного меньше, чем мои студенты, так как около 80% студентов – граждане латиноамериканского происхождения, либо иностранцы, приезжающие из соседнего города Сиюдад Хуарес. От Сиюдада Хуарес до Эль Пасо ехать около десяти минут, но с прохождением контроля и пробками выходит около часа.

У меня есть свой небольшой офис при университете. На мои обязательства ассистента профессора у меня уходит порядка 20 часов в неделю (иногда больше, иногда меньше). В этом году мне повезло, так как я работаю только на одного преподавателя, и у меня всего лишь 250 студентов. В прошлом году их было 500. Дополнительно к собственным заданиям – чтению и написанию эссе, я еще проверяю письменные работы студентов, которые сдают их мне дважды в неделю

Университет — достаточно большой, около 28000 студентов. Архитектура выполнена в стиле пирамид Мая, и когда идешь по кампусу, то складывается ощущение, что ты учишься в Латинской Америке, так как повсюду испанская речь. Когда я покупаю кофе, то зачастую ко мне обращаются на испанском языке, так как за время жизни в пустыне приобрела бронзовый загар.

Выше Вы заметили: «...когда я стала частью мексиканской культуры...». Как понимать эти слова?

В 2010 году, когда я училась студентом по обмену в штате Миссури, то я начала встречаться с игроком в американский футбол Норманом, американцем мексиканского происхождения. Через несколько недель проведенных вместе, он познакомил меня со своей мамой Беатрис, на тот момент она жила в Эль Пасо, и мы поехали провести День Благодарения вместе с его семьей.

А Рождество мы провели в Мексике, в Тапачулле (штат Чиapas — это город на границе с Гватемалой), так как вся его семья живет там. На тот момент я еще ни слова не говорила и не понимала по-испански, и у меня был культурный шок от знакомства с громкоговорящей толпой семьи моего друга.

Каждый год, 29 декабря, семья со стороны мамы Норми собирается в Аррьяге (это в том же штате, что и Тапачулла). Приезжает порядка 60–80 членов семьи и устраивают огромную вечеринку на ранчо (мексиканская ферма). Молодежь устраивает игры, катается на лошадях. Малыши разбивают пиньяту — это фигура, сделанная из папье-маше. Пустоту внутри пиньяты наполняют конфетами и подвешивают на веревку на дерево. Основная цель — разбить пиньяту, чтобы тебя окатило волной конфет. Старшее поколение располагается на веранде, распивают спиртные напитки и ведут долгие разговоры.

Под вечер мы все собираемся для совместного фото под деревом (вид дерева я не знаю, но в охват около трех метров). А когда темнеет, то разводим костер и поем песни.

В этой семье есть поверье, что если ты на фото — ты часть семьи. Я была на фото три раза, три года подряд (кроме последнего Рождества, его мы встречали в Эль Пасо с друзьями).

Мы встречаемся с Норми уже четыре года и теперь живем вместе. Дома говорим на трех языках (с русским у него туговато, но старается). Теперь его мексиканская семья стала моей, а моя русская — его. Я всегда очень рада, когда мы приезжаем в Мексику, ставшую третьей страной-домом.

А наше знакомство с Норми случилось на одном из классов в университете с его фразы: «А ты знаешь, моя тетья, живущая в Мехико Сити, русская».

И что, действительно одна из его теток — русская? Есть ли среди студентов, знакомых Вам, русские?

Да, его тетья — Наташа. Она живет в Мехико Сити, и она стала первым (после его мамы) членом семьи, с кем я познакомилась. В 2010 году, в мою первую поездку в Мексику, я летела одна, а Норми ждал меня в Тапачулле. Но мне нужно было переночевать где-то в Мексике, и я остановилась у Наташи.

Она встретила меня в аэропорту с табличкой Evdokia, и поначалу я не знала на каком языке с ней говорить. Но мы достаточно быстро перешли на русский язык.

Наташа — преподаватель балета в Национальной балетной компании. Даже если мы на несколько дней приезжаем в Мексику, то она всегда нас ведет посмотреть балет, и я совсем не против. Двое ее детей, Санти и Мелиса — кузены Норми, стали моими очень хорошими друзьями, нам вчетвером всегда очень весело, к тому же мы с ними ровесники.

До сих пор, когда я приезжаю в Мехико Сити, я с нетерпением жду утра, когда все еще спят, а Наташа уже встала, и тогда я иду на кухню пить с ней кофе и вести долгие разговоры.

В Эль Пасо у меня также есть знакомые русские, но нет русских друзей. Возможно это потому, что многие русские в основном концентрируются в православных церквях, что не является моей средой.

А приходится ли Вам использовать в эссе, работах, которые Вы делаете, знания и опыт, приобретенные в России?

Конечно, я думаю мы все используем свой опыт в любой нашей деятельности, тем более такой креативной, как написание научного эссе. Почти в каждой моей работе мелькает слова Россия или в России.

Как и любой мигрант, я начала чувствовать свою русскую идентичность, лишь когда покинула страну и увидела все различия, с которыми пришлось столкнуться.

Но, тут важно понимать еще и то, что мой опыт складывался не только в России. Когда я училась в Самаре, я прошла через две важные школы: Университет и сотрудник НКО. Мне сложно сказать, что из этих двух школ было важнее, но могу с уверенностью заявить, что опыт сотрудника НКО преломил границы моего понимания реальности и вырастил меня очень быстро.

Повлиял на меня в моем профессиональном становлении и мой папа. Он был очень творческим, передовым в науке человеком и не раз поддерживал меня и давал очень важные советы, в каком направлении двигаться в профессии и в жизни. А еще он владел всеми нужными социологу умениями. Папа на первых порах помог мне осваивать основы обработки данных в программе SPSS. Сейчас в американской магистратуре я прошла серьезный курс по этому предмету, и помню, что папа мной очень гордился, когда я рассказывала о своих новых достижениях.

Ко всему прочему можно добавить мой опыт работы на международном уровне, который был тогда и есть сейчас, в качестве активиста за гражданские права в организации Молодежная Коалиция за сексуальные и репродуктивные права (YCSRR). Друзья из самых разных стран этого мира перевернули мое представление о глобальном, а их личные истории стали для меня немаловажными уроками.

И все это теперь складывается в единое целое, понимание социологии как качественного явления, мира, населенного людьми с неповторимым опытом и необычными историями. Конечно, статистика необходима и важна (особенно при общении с политиками), но важно понимать, как часто мы упускаем, что за ответом на один вопрос, может стоять целая история, которая привела человека к его личному ответу.

С другой стороны, как Вам кажется, в какой мере теоретические знания и практические навыки, которые Вы приобретете в США, могут найти применение в России?

Пожалуй, самое важное, что я вынесла из местного образования, это критика. Причем критика не ради критики, а насыщенная аргументами и полезными идеями. Что еще важнее, это критика классиков. Я даже и представить себе не могла, чтобы кто-то осмелился критиковать Парсонса, Дюркгейма и Вебера. Они же классики! Боги социологии, фундамент наших идей и мыслей, нашего видения реальности.

Самая скучная лекция в моем родном университете была история социологии. Где лектор «читал» (здесь это слово особенно важно) нам возникновение социологии и основные мысли ученых классиков. Кто бы мог подумать, что в магистратуре это станет моим самым любимым предметом, переполнившим меня идеями, вдохновением, мыслями классиков, а затем за две последние пары, перевернув все мое понимание их теорий и идей. Все это произошло благодаря книге одного австралийского ученого Райвин Коннел «Южная Теория» (Raewynn Connell “Southern Theory”). Она осмелилась раскритиковать (причем подкрепляя всю критику мощными аргументами) наших «отцов», демонстрируя нам всю закрытость нашего мышления. Поставив самим себе рамки того, чьи мысли более важные, а чьи мысли менее важные, мы закрываем свое мышление от новых идей и новых типов исследования. Само собой, Коннел – постмодернистка, а постмодернистов в моем университете не изучали.

Было бы очень здорово, если бы все те тексты, которые я читаю здесь в магистратуре, были переведены на русский язык. До сих пор языковой барьер является немаловажной проблемой для молодых социологов, хотя сейчас уже многие понимают эту проблему и стараются ее решить.

Чтение текстов не только русских и западных социологов, а ученых Латинской Америки, Африки, Азии поможет нам расширить нашу реальность, увидеть совсем другие направления теоретических мыслей.

Но, в то же время я понимаю, что многие ученые не будут известны в России. Допустим та же Коннел, мужчина, ставшая женщиной. В связи с новыми законодательствами и гомофобными представлениями, многие государственные учреждения вряд ли бы осмелились использовать ее тексты в учебных программах.

Поддерживаете ли Вы контакты с кем-либо из российских социологов – ваших ровесников? И вообще, каков Ваши планы... поработать здесь, а там видно будет? Или вернуться в Россию и максимально использовать Ваши многообразные знания?

Из российских социологов – да, конечно, моя семья – сплошные социологи, а вот касательно ровесников-социологов, я не уверена.

Если говорить о ровесниках в социологии, то это ребята, которые со мной заканчивали Самарский государственный университет, мои хорошие друзья с которыми я постоянно на связи по интернету. Но насколько они себя видят в роли социологов, мне сказать сложно. Большинство окончивших социологический факультет разбежались по разным направлениям, не связанным с социологией.

логией, но социологическое мышление при этом в них осталось (на мой взгляд), и мы часто ведем разговоры о внешней и внутренней политике, обстановке в России и в США, оценивая и критикуя деятельность обоих государств.

Пока что планов очень много, хочется развивать деятельность по социальному театру, расти как тренер и как исследователь в этой области.

В данный момент, в России общепринято употреблять выражение тренер в основном в бизнес-сфере, но также и в сфере общественной деятельности. Есть принципиальная разница между словами тренер и инструктор, поэтому мы и употребляем тренинг и тренер, как привитие определенных навыков, а не просто передачу информации.

Очень бы хотелось организовать III Международный фестиваль социальных театров, первые два были потрясающими событиями. Но на данный момент я очень занята по работе в магистратуре, и в организации деятельности с местной НКО (International AIDS Empowerment), мы с ними провели уже несколько занятий по театральным технологиям, а также я преподаю им йогу.

Есть несколько PhD программ, куда мне было бы интересно попасть, и несколько организаций, где мне было бы интересно поработать. Но на планирование этой деятельности и последующие шаги я отвела себе время в следующем семестре, когда до выпуска останется один год, и нужно будет серьезно размышлять, что же делать дальше.

Самое главное, что у меня много идей и вдохновения на деятельность. Я безумно люблю то, что я делаю и считаю это очень важным.